

Развитие советских уголовно-правовых запретов в период Великой Отечественной войны

© 2024

Скоробогатов Андрей Валерьевич^{*1}, доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
*Рыбушкин Николай Николаевич*², кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань (Россия)

*E-mail: skorobogatov@ieml.ru,
av.skorobogatov@mail.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-5367>
²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-724X>

Поступила в редакцию 18.04.2024

Принята к публикации 16.09.2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию уголовно-правового регулирования в период Великой Отечественной войны в историко-правовом контексте. Целью работы является формирование научно обоснованного знания об особенностях развития системы уголовно-правовых запретов в советском праве в период Великой Отечественной войны. На основе конструктивистской парадигмы авторы исследуют процесс трансформации уголовно-правовых запретов в военное время, выделив в этом процессе роль не только законодательных, но также исполнительных и судебных органов. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что трансформация уголовно-правового регулирования в равной мере коснулась общей и особенной частей данной отрасли права. Однако изменения были вызваны не только потребностями военного положения, но и трансформацией уголовного права накануне войны, связанной с провозглашенным Конституцией СССР 1936 г. переходом к регулированию этой отрасли права не на республиканском, а на общесоюзном уровне. В правовой доктрине и общей части уголовного права изменения касались прежде всего криминализации гражданских и трудовых отношений, расширения пределов уголовно-правового регулирования, в частности появления новых объектов уголовно-правовой охраны, и уточнения перечня специальных субъектов уголовного права, для которых устанавливались повышенные меры уголовной ответственности. Применительно к особенной части уголовного права изменения носили более конкретизированный характер, обусловленный необходимостью мобилизации всех материальных и людских ресурсов для разгрома врага и обеспечения правопорядка и общественной безопасности.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет; советский уголовно-правовой запрет; советское право; Великая Отечественная война; правовая реальность; уголовно-правовое регулирование; конструирование запретов; криминализация.

Для цитирования: Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Развитие советских уголовно-правовых запретов в период Великой Отечественной войны // Jus strictum. 2024. № 3. С. 20–26. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-3-58-3.

ВВЕДЕНИЕ

Правовая реальность России традиционно ориентирована на разрешительный тип правового регулирования, в котором правовые запреты играют чрезвычайно важную роль не только в регулировании поведения отдельных лиц, но и в обеспечении правопорядка в целом. Речь при этом идет не только о регулятивно-охранительном, но и ценностном воздействии запретов на правовое сознание и поведение человека. Особое значение в конструировании правовой реальности имеют установленные государством уголовно-правовые запреты, отражающие особенности вертикальной правовой коммуникации. Уголовно-правовые запреты играют существенную роль в поддержании правопорядка, но при этом не только обладают регулятивно-охранительным действием, но и воздействуют на сознание индивида, формируя ценностные установки на совершение правомерных действий. Транслируя правовую информацию о запретах, государство, как адресант коммуникации, требует от индивида-адресата удержания от определенных действий, имеющих противоправный характер и влекущих не только наступление ответственности, но и разрушение устойчивого разви-

тия и функционирования общества. Для России традиционно именно соблюдение запретов, выступающих выражением архетипов соборности и этатизма, является определяющей чертой в конституционной идентификации субъекта. С одной стороны, соблюдение запретов свидетельствует о разделении индивидом ценностей, сконструированных государством и разделяемых обществом. С другой стороны, подчинение запретам служит основанием для принятия человека социумом в качестве своего члена [1]. Поэтому выявление роли запретов, и уголовно-правовых запретов в частности, в организации и функционировании правового бытия предполагает необходимость ретроспективного исследования, в т. ч. в периоды кризисного развития российской государственности и общества, когда требовалась мобилизация человеческих и материальных ресурсов, осуществляемая с помощью не только административного, но и уголовного права. Одним из таких периодов была Великая Отечественная война, память о которой чрезвычайно важна для сохранения исторической правды.

Несмотря на значимость правовых запретов для развития и функционирования правовой реальности России,

научный интерес к теме был обозначен лишь в 70-х гг. прошлого века. Проблема уголовно-правовых запретов в ретроспективном аспекте преимущественно изучается в общем контексте генезиса и эволюции уголовно-правового регулирования [2]. Только в последние годы ученые обратились к изучению регулятивно-охранительного и ценностного воздействия уголовно-правовых запретов на правовое бытие человека на различных этапах историко-правовой реальности [3; 4].

Изучение истории советского уголовного права как в целом, так и на отдельных этапах осуществлялось преимущественно в пространстве ретроспективных аспектов уголовно-правового регулирования, начало которому положила изданная в 1948 г. под редакцией А.А. Герцензона «История советского уголовного права», затронувшая в т. ч. развитие уголовного права в период Великой Отечественной войны [5]. Эта работа определила общее направление изучения проблематики в последующие годы, когда к ней обращались в контексте уголовно-правовой политики [6; 7], регулирования уголовных правоотношений в чрезвычайных условиях [8; 9] и ответственности по отдельным составам уголовных преступлений [10; 11]. Комплексного же изучения эволюции советского уголовного права историко-правовом и социокультурном контексте не предпринималось.

В зарубежной юриспруденции проблема советского уголовного права преимущественно изучалась в сравнительно-правовом контексте для обоснования искажения принципов уголовно-правового регулирования [12] и обусловленности уголовного законодательства в СССР идеологическими факторами [13], которые определяли этапы криминализации и декриминализации [14].

Цель исследования – формирование научно обоснованного знания об особенностях развития системы уголовно-правовых запретов в советском праве в период Великой Отечественной войны.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологически статья построена на основе сформулированной в рамках социологической феноменологии конструктивистской парадигмы, позволяющей рассматривать как правовую реальность в целом, так и отдельные правовые явления как социальные конструкты. Методологические постулаты этой теории в общесоциальном смысле были сформулированы А. Шюцем, П. Бергером и Т. Лукманом и применительно к правовой реальности развиты И.Л. Честновым, Я.И. Гилякинским и Н.В. Разуваевым. В историко-правовых исследованиях конструктивистский подход был обоснован Д.А. Пашенцевым. Применение конструктивистской парадигмы к исследованию уголовно-правовых запретов позволяет не только проследить роль государства в формировании уголовного права, но и выявить особенности формирования и реализации в уголовно-правовом регулировании принципов легальности и легитимности.

Изучение поставленной проблемы осуществлялось на основе анализа нормативных правовых актов, изданных в этот период и посвященных регулированию отдельных уголовных отношений, а также произведений советских юристов, отразивших доктринальные изменения в нормативных основах советского уголовного законодательства в чрезвычайных условиях. Это позволило исследовать

трансформацию уголовно-правовых запретов в период Великой Отечественной войны на основе дедуктивной логики от изменений в правовой доктрине и общей части уголовного права к их конкретизации в дополнении и уточнении отдельных составов преступлений в особенной части.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

1. Изменение уголовно-правовой доктрины и общей части уголовного права

1.1. Изменение в принципах и понятийном аппарате уголовного права в условиях перехода к чрезвычайному законодательству

С началом Великой Отечественной войны в СССР было введено чрезвычайное законодательство, затронувшее все сферы общественных отношений. Это означало адаптацию к военным условиям всей правовой системы путем как уточнения имеющихся юридических норм, так и создания новых, обусловленных появлением новых отношений, вызванных войной. Конструируемое при этом законодательство отвечало требованиям легальности, в целом соответствуя потребностям в правовом регулировании в чрезвычайных условиях, и легитимности, отвечая потребностям общества в мобилизации сил для разгрома врага [15].

Изменения в уголовно-правовом регулировании накануне и в период Великой Отечественной войны в значительной мере детерминированы положениями Конституции СССР 1936 г., в соответствии с которыми было провозглашено построение основ социализма, а вопрос конструирования уголовно-правовых запретов был передан с республиканского на общесоюзный уровень (п. «х» ст. 14). Реализуя эти конституционные положения, в 1939 г. разработали проект Уголовного кодекса (далее – УК) СССР, который хотя и не был принят, но эксплицитно советскую уголовно-правовую доктрину и определил отношение к интерпретации преступления и наказания в нормативных правовых актах, принятых в СССР в последующие годы.

Связанное с принятием конституции усиление государственного строительства обусловило трансформацию понятия и принципов конструирования уголовно-правовых запретов. На первое место были поставлены политические интересы государства, что специально подчеркнуто в работах А.Н. Трайнина¹, которые определили принципы уголовного права: классовость, равенство, целесообразность, т. е. запреты носили классовый характер и были признаны необходимым средством защиты интересов государства трудящихся [16]. Единственным источником конструирования уголовно-правовых запретов стал издаваемый советским государством закон: при вынесении приговора и назначении наказания суд мог руководствоваться только закрепленной в законе нормой, что отмечалось советскими учеными². Несмотря

¹ Трайнин А.Н. *Общая конструкция составов преступления в социалистическом уголовном праве // Социалистическая законность. 1944. № 11. С. 23–29.*

² *Уголовное право. Общая часть / под общ. ред. И.Т. Голякова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. 284 с. С. 3.*

на значительную роль высших судов в расширительной интерпретации уголовно-правовых запретов, ее нельзя в полной мере считать правотворческой [17]. Речь шла лишь о квазиправообразовательной деятельности, направленной на конструирование правовой реальности в форме дефрагментации.

Законодательство определяло преступление как деяние, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный в переходный к коммунизму период времени (ст. 5 проекта УК СССР), включая не только активное действие, но и бездействие³. С помощью уголовно-правовых запретов были ограничены пределы правомерного поведения субъектов права, обеспечено применение мер ответственности не только к лицам, нарушившим запрет, но и к злоупотребляющим своим правом⁴. Это позволяет говорить не только об охранительной, но и регулятивной функции уголовного права в этот период.

1.2. Новое понимание состава преступления

Разработанное советскими юристами в 1940-е гг. учение о составе преступления было основано на классово-трактовке уголовно-правовых запретов⁵. В значительной мере это определило осуществленную ими классификацию запретов по объекту преступного посягательства⁶. Однако необходимо отметить, что сложившаяся накануне войны система уголовно-правовых запретов была существенно трансформирована в условиях военного времени путем расширения имеющихся составов преступления и криминализации дисциплинарных проступков и гражданских правонарушений. Это было обусловлено как отсутствием составов преступлений, ориентированных на применение в военное время, так и невозможностью применения к деяниям, совершенным в чрезвычайных условиях, норм, ориентированных на обеспечение правопорядка в мирное время.

Главным при квалификации преступлений становилась их общественная опасность, которая советской уголовно-правовой доктриной военного времени трактовалась дихотомично. С одной стороны, как указывал Н.Д. Дурманов, на первое место при оценке судом преступного деяния выходил его антиобщественный характер⁷. С другой стороны, при назначении наказания определяющую роль играла конструкция уголовно-правового запрета в законе [18].

³ См. напр.: *Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 июня 1941 г. № 25/10/V «О квалификации нарушений правил и распоряжений по Местной противовоздушной обороне»* // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. Л.: Лениздат, 1942. С. 105–106.

⁴ *Указ Президиума ВС СССР от 02.05.1943 «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам»* // *Ведомости ВС СССР*. 1943. № 18. С. 185–186.

⁵ *Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. М.: Юридиздат, 1946. 363 с. С. 5.*

⁶ *Загородников Н.И. Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву* // *Труды Военно-юридической академии*. 1949. Т. 10. С. 3.

⁷ *Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 311 с. С. 198.*

В качестве общего субъекта преступления советское уголовное право признавало всех физических лиц, достигших 16-летнего возраста и являющихся дееспособными. По особо тяжким составам преступления предусматривалась возможность привлечения к уголовной ответственности с 12 лет⁸. При определении меры ответственности необходимо было учитывать не только объект и объективную сторону деяния, но и классовую природу субъекта (ст. 35 проекта УК СССР).

Наибольшие изменения в трактовке субъектного состава преступлений в годы Великой Отечественной войны относятся к специальным субъектам. В значительной степени это было вызвано трансформацией правовых ценностей в чрезвычайных условиях. Примат мобилизации всех сторон общественной жизни обусловил расширение уголовно-правовых запретов и криминализацию гражданско-правовой сферы [19], что привело к сближению понятий общего и специального субъектов уголовного права и распространению уголовно-правовой ответственности на всех трудящихся⁹, хотя меры ответственности были различны для городского¹⁰ и сельского населения¹¹.

Наряду с трансформацией содержания имеющихся субъектов преступления, в годы Великой Отечественной войны была установлена новая категория субъектов преступления – «фашистские преступники и их пособники»¹². По мнению советских ученых, хотя деяния этих лиц подпадали под нормы международного права, их следовало рассматривать по территориальному признаку¹³. Одновременно был уточнен перечень лиц, которые относились к членам семей изменников Родины и подлежали вместе с ними уголовному наказанию: «отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они

⁸ *Указ Президиума ВС СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних»* // *Ведомости ВС СССР*. 1941. № 25. С. 13–14.

⁹ *Указ Президиума ВС СССР от 26.12.1941 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»* // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm.

¹⁰ *Указ Президиума ВС СССР от 13.02.1942 «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»* // *Ведомости ВС СССР*. 1942. № 6. С. 18–19.

¹¹ *Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13.02.1942 № 507 «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»* // *Собрание Постановлений Правительства СССР*. 1942. № 4. Ст. 60.

¹² *Указ Президиума ВС СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников»*. (Утвержден постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1943 г.). 19 апреля 1943 г. // *В штабах Победы. 1941–1945: Док. в 5-ти кн. Кн. 3: 1943. «Ломая упорное сопротивление врага...»*. М.: Науч.-полит. кн., 2020. С. 184–186.

¹³ *Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. 105 с. С. 92.*

жили совместно с изменником Родине или находились на его иждивении к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны»¹⁴.

Сформировавшаяся к началу Великой Отечественной войны уголовно-правовая доктрина рассматривала субъективную сторону преступления исключительно в контексте психического состояния лица, нарушившего уголовно-правовой запрет. Основное внимание уделялось проблеме вины. Несмотря на то что в качестве форм вины признавались умысел и неосторожность, «отсутствие сознания противоправности (общественной опасности) того или другого действия, по господствующему взгляду, не устраняет виновности лица и не влияет на форму его виновности»¹⁵. При определении вины учитывалось не только правовые, но и моральные факторы, особенно по отношению к «фашистам и их пособникам». Несмотря на закрепление принципа индивидуализации вины, по некоторым составам преступления ответственность наступала не только для лиц, его совершивших, но и для членов их семей¹⁶.

1.3. Трансформация темпоральных и пространственных пределов действия уголовно-правовых запретов

Трансформация темпоральных пределов действия уголовного закона шла по пути изменения времени применения мер уголовной ответственности. Наиболее ярким примером таких изменений стал Указ Президиума Верховного Совета (далее – ВС) СССР «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта», отложивший применение мер ответственности к лицам, профессиональные навыки которых могли быть использованы в мобилизационных целях.

Более сложной была трансформация пространственных пределов действия уголовного закона.

С одной стороны, формально пространство его действия распространялось на государственную территорию (принятые в период войны нормативные правовые акты распространялись на всю страну, в т. ч. на территорию, находившуюся в оккупации). Так, Приказ Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. № 46 «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» установил, что под состав преступления «измена Родине» подпадают деяния всех предателей независимо от территории, на которой они были совершены.

С другой стороны, в законодательстве были обозначены территории, на которых действие уголовно-правовых запретов имело специфичный характер. Так, 26 декабря 1941 г. был издан Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности рабочих и служащих пред-

приятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», где квалифицирующим пространственным признаком была территория оборонного предприятия.

2. Трансформация особенной части уголовного права

2.1. Обновление организации защиты государственной безопасности

Изменения уголовно-правового регулирования в период Великой Отечественной войны касались не только общих принципов действия уголовно-правовых запретов, но и привели к детальной трансформации всей системы запретов. Эти изменения были обусловлены как чрезвычайными условиями, требовавшими мобилизации всех сил для победы над немецко-фашистскими захватчиками, так и почти полным отсутствием в законодательстве норм, ориентированных на применение в военное время. Изменения преимущественно осуществлялись путем правотворческой деятельности Государственного комитета обороны СССР и Президиума ВС СССР.

В условиях Великой Отечественной войны существенно обострилась проблема безопасности СССР. Это обусловило усиление внимания к государственным преступлениям. Хотя сохранялось действие норм «Положения о преступлениях государственных», в период войны произошло уточнение составов и усиление ответственности за эти деяния. Так, Указ Президиума ВС СССР от 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» уточнил состав преступления «неосторожное разглашение государственной тайны гражданскими лицами»: (1) разглашение сведений, составляющих государственную тайну, должностными лицами или утрата ими содержащих такие сведения документов; (2) разглашение сведений, которые являются государственной тайной, частными лицами.

Ряд нормативных правовых актов, изданных в годы войны, был связан с необходимостью пресечения преступных деяний, нарушавших основы государственной безопасности. В частности, как преступление стало квалифицироваться уклонение не только от военной, но и от иных видов мобилизации. Указом Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» для лиц, умышленно или по неосторожности отказывающихся или уклоняющихся от исполнения военной, трудовой, автогужевой и транспортной повинности в местностях, объявленных на военном положении, была установлена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев, которая могла быть заменена штрафом в размере до 3000 руб. Еще более жестко к нарушителям мобилизационных мероприятий подошел Указ Президиума ВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», в соответствии с которым лица, уклоняющиеся от трудовой мобилизации, подлежали наказанию в виде исправительно-трудовых работ. Максимальный срок таких работ был установлен в 1 год. Через год Указ Президиума ВС СССР от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех железных дорогах» распространил этот запрет на лиц, занятых работой на транспорте всех видов.

¹⁴ Постановление ГКО СССР от 24.06.1942 № ГОКО-1926сс «О членах семей изменников Родине» // В штабах Победы. 1941–1945: Док. в 5-ти кн. Кн. 2: 1942. «Ни шагу назад!». М.: Науч.-полит. кн., 2020. С. 276.

¹⁵ Уголовное право. Общая часть / под общ. ред. И.Т. Голякова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. С. 155–156.

¹⁶ Постановление ГКО СССР от 24.06.1942 № ГОКО-1926сс «О членах семей изменников Родине» // В штабах Победы. 1941–1945: Док. в 5-ти кн. Кн. 2: 1942. «Ни шагу назад!». М.: Науч.-полит. кн., 2020. С. 276–277.

Одновременно были увеличены санкции по сохранившимся составам преступлений, что объяснялось их угрозой не только правопорядку, но и безопасности государства и общества в целом. Например, 29 сентября 1942 г. был издан Указ Президиума ВС СССР «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах», который приравнивал к дезертирству самовольный уход с предприятий и учреждений рабочих, служащих и инженерно-технических работников, переведенных на положение мобилизованных.

Однако проблемы безопасности требовали трансформации не только онтологического уровня социальной реальности, но и аксиологического. Это обусловило усиление внимания к проблеме мировоззрения со стороны государства. В первую очередь речь шла о монополизации информационных ресурсов, что должно было поддерживать патриотический настрой граждан. Это сопровождалось борьбой с распространением дезинформации в форме ложных слухов. Указ Президиума ВС СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» установил уголовную ответственность за «распространение слухов в военное время, возбуждающих тревогу среди населения» в виде тюремного заключения на срок от 2 до 5 лет в зависимости от тяжести деяния и личности совершившего его. Срок наказания при этом зависел не только от объективной стороны деяния, но и от субъективной.

Новеллизация уголовно-правовых запретов шла не только путем конструирования новых составов преступлений и использования принципа аналогии в судебной практике, но и за счет уточнения и конкретизации преступлений, предусмотренных действующим УК РСФСР 1926 г. Одновременно происходило уточнение и детализация имеющихся составов преступлений путем их дробления и конструирования новых составов. Наиболее ярким примером выступает дробление состава преступления, которое было детализировано рядом указов Президиума ВС СССР путем установления ответственности за неисполнение отдельных видов повинностей. Так, Указ Президиума ВС СССР от 13 февраля 1943 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», конкретизируя наказание за неисполнение обязанностей и повинностей, предусмотренное ст. 59.6 УК РСФСР 1926 г., установил уголовную ответственность за уклонение трудоспособного населения от мобилизации для работы на производстве и строительстве на период военного времени.

Наряду с конструированием принципиально новых уголовно-правовых запретов, содержание которых было вызвано необычайными условиями войны, происходила криминализация деяний, не являвшихся преступными в мирное время. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 июня 1941 г. «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне» предусматривало применение к злым нарушителям государственных распоряжений оборонительного характера норм ст. 59-6 УК РСФСР 1926 г.

2.2. Трансформация уголовно-правовой защиты права собственности

Примат государственных и общественных интересов в годы войны вызвал пристальное внимание к защите социалистической собственности. Прежде всего необходимо отметить защиту рационального использования продовольствия, выполнявшего ресурсную роль в организации социальной жизни как на фронте, так и в тылу, которая осуществлялась не только в форме мобилизации материальных ресурсов, но и в борьбе со спекуляцией. Концепт «спекуляция» в период Великой Отечественной войны приобрел расширительное толкование в судебной практике, логическим завершением которого стало принятие Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 24 декабря 1942 г. «О судебной практике по делам о самогоноварении». Это постановление по аналогии со ст. 107 УК РСФСР 1926 г. приравнивало скупку и последующий сбыт продовольственного сырья с целью производства самогона к спекуляции. Одновременно была существенно увеличена ответственность должностных лиц по имущественным преступлениям¹⁷.

Вопросы защиты имущества решались советским законодателем в отношении не только общенародной собственности, но и личной собственности граждан. Несмотря на сохранение в годы войны действия норм УК РСФСР 1926 г., направленных на охрану личной собственности, был издан ряд новелл, причины и содержание которых были обусловлены необычайными условиями военного времени. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 8 января 1942 г. «О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени» сформулировало новые виды преступных деяний, которые квалифицировались как кражи: кража имущества граждан во время воздушных налетов врага, при оставлении населенного пункта в связи с появлением или приближением врага, кража личного имущества эвакуированных в пути следования или оставленных на прежнем месте жительства, хищение продовольственных и промтоварных карточек. По принципу аналогии с п. «г» ст. 162 УК РСФСР 1926 г. они были приравнены к кражам, совершенным во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия. Исходя из специфических условий объективной стороны этих деяний, обстоятельства совершения таких краж были признаныотягчающими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция уголовно-правового регулирования в период Великой Отечественной войны была обусловлена политическими и социально-экономическими потребностями времени, а также логикой развития уголовного права, основанными на новеллах Конституции СССР 1936 г. В правовой доктрине и общей части уголовного права изменения касались прежде всего криминализации гражданских и трудовых отношений; расширения пределов уголовно-правового регулирования, в частности появления новых объектов уголовно-правовой ох-

¹⁷ См. напр.: Судебная практика Верховного Суда СССР / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. Вып. 2. С. 10.

раны; уточнения перечня специальных субъектов уголовного права, для которых устанавливались повышенные меры уголовной ответственности, в т. ч. с появлением совершенно новых категорий, например «фашистские преступники и их пособники». Переход к военному положению привел к трансформации принципов действия уголовно-правовых запретов во времени, пространстве и по кругу лиц. Действие ряда уголовно-правовых запретов было ограничено военным временем. Произошло расширение экстерриториальности действия уголовного права по отношению к лицам, преступления которых затрагивали принципиальные основы общественной безопасности. Применительно к особенной части уголовного права изменения носили более конкретизированный характер, обусловленный необходимостью мобилизации всех материальных и людских ресурсов для разгрома врага и обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Сохранявший свое действие в период Великой Отечественной войны УК РСФСР 1926 г. содержал незначительное число уголовно-правовых запретов, рассчитанных на применение в военное время, что потребовало не только создания новых составов преступления, но и трансформации имеющихся составов в сторону усиления мер ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность транзитивного общества: дискурс и нарратив. СПб.: Алетейя, 2024. 552 с.
- Арямов А.А. Византизм в генезисе отечественного уголовного права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1. С. 8–14. EDN: [WLQLXR](#).
- Маркунцов С.А. Исторические особенности возникновения первичных уголовно-правовых запретов // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 132–142. DOI: [10.12737/1825](#).
- Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Уголовно-правовые запреты в советском юридическом дискурсе // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2. С. 120–128. EDN: [SERCML](#).
- История советского уголовного права (1917–1947) / науч. ред. А.А. Герцензон. М.: Юриздат, 1948. 465 с.
- Рогалева Н.В. Уголовно-правовая политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2011. № 2. С. 4–8. EDN: [RWJROF](#).
- Шелегов Ю.В. Уголовная политика СССР в годы Великой Отечественной войны // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6. С. 239–244. EDN: [KAQGJG](#).
- Епифанова Е.В. Изменения в уголовном законодательстве в период Второй мировой войны // Очерки новейшей криминалистики. 2020. № 1. С. 26–31. EDN: [BNJBMС](#).
- Звонарев А.В., Пашенцев Д.А. Чрезвычайное законодательство как средство регулирования общественных отношений в первый месяц Великой Отечественной войны // Образование и право. 2020. № 5. С. 342–348. EDN: [GHPPTS](#).
- Блинова В.В. Борьба со спекуляцией в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой анализ) // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 19–22. DOI: [10.24411/2073-3305-2019-10122](#).
- Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 13–17. EDN: [BVZQES](#).
- Berman H.J. Principles of Soviet Criminal Law // The Yale Law Journal. 1947. Vol. 56. № 5. P. 803–836. DOI: [10.2307/792959](#).
- Adams W. Capital punishment in imperial and Soviet criminal law // American Journal of Comparative Law. 1970. Vol. 18. P. 575–594.
- Solomon P.H. Criminalization and Decriminalization in Soviet Criminal Policy, 1917–1941 // Law & Society Review. 1981. Vol. 16. № 1. P. 9–43. DOI: [10.2307/3053548](#).
- Лелеков В.А., Бородин А.Д. Уголовно-правовая политика СССР в предвоенные, военные и послевоенные годы (1935–1960 гг.) // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. № 2. С. 194–200. EDN: [BRHCLD](#).
- Starosolsky G.V. Basic Principles of Soviet Criminal Law // North Carolina Law Review. 1950. Vol. 28. № 4. P. 359–374.
- Крашенинников П.В. Заповеди советского права: Очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939–1961. М.: Статут, 2019. 376 с.
- Шахбазян С.В. Генезис законодательного определения преступления и категории преступлений по российскому уголовному законодательству // Юридические исследования. 2020. № 5. С. 35–62. DOI: [10.25136/2409-7136.2020.5.28845](#).
- Романов П.Е. Советское государство и рабочие Сибири в годы Второй мировой войны: принудительная стратегия социально-трудовой коммуникации // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. № 3. С. 303–329. DOI: [10.17150/2308-2588.2018.19\(3\).303-329](#).

REFERENCES

- Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. *Pravovaya realnost tranzitivnogo obshchestva: diskurs i narrativ* [Legal reality of a transitive society: discourse and narrative]. Sankt Petersburg, Aleteyya Publ., 2024. 552 p.
- Aryamov A.A. Byzantism in the genesis of the Russian criminal law. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 8–14. EDN: [WLQLXR](#).
- Markuntsov S.A. Historical features of origin of primary criminal prohibitions. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2014, no. 1, pp. 132–142. DOI: [10.12737/1825](#).
- Skorobogatov A.V., Rybushkin N.N. Criminal-legal prohibitions in the Soviet juridical discourse. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 2, pp. 120–128. EDN: [SERCML](#).
- Gertsenzon A.A., ed. *Istoriya sovetskogo ugovnogo prava (1917–1947)* [History of Soviet criminal law (1917–1947)]. Moscow, Yurizdat Publ., 1948. 465 p.
- Rogaleva N.V. Criminal law policy of the Soviet state in the years of the Great Patriotic War. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2011, no. 2, pp. 4–8. EDN: [RWJROF](#).
- Shelegov Yu.V. Criminal policy of the USSR in the years of the Great Patriotic War. *Nauchnyy*

- dayzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, 2020, no. 6, pp. 239–244. EDN: [KAQGJG](#).
8. Epifanova E.V. Changes in criminal law during the Second World War. *Ocherki noveyshey kameralistiki*, 2020, no. 1, pp. 26–31. EDN: [BNJBMС](#).
 9. Zvonarev A.V., Pashentsev D.A. Emergency legislation as a means of regulating public relations in the first month of the Great Patriotic War. *Obrazovanie i pravo*, 2020, no. 5, pp. 342–348. EDN: [GHPPTS](#).
 10. Blinova V.V. The fight against speculation during the Great Patriotic War (historical and legal analysis). *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, 2019, no. 3, pp. 19–22. DOI: [10.24411/2073-3305-2019-10122](#).
 11. Ermolovich Ya.N. Progress in military penal legislation during the Great Patriotic War of 1941–1945. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2020, no. 12, pp. 13–17. EDN: [BVZQES](#).
 12. Berman H.J. Principles of Soviet Criminal Law. *The Yale Law Journal*, 1947, vol. 56, no. 5, pp. 803–836. DOI: [10.2307/792959](#).
 13. Adams W. Capital punishment in imperial and Soviet criminal law. *American Journal of Comparative Law*, 1970, vol. 18, pp. 575–594.
 14. Solomon P.H. Criminalization and Decriminalization in Soviet Criminal Policy, 1917–1941. *Law & Society Review*, 1981, vol. 16, no. 1, pp. 9–43. DOI: [10.2307/3053548](#).
 15. Lelekov V.A., Borodin A.D. Criminal policy in the USSR in the pre-war, war and post-war years (1935–1960). *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*, 2020, no. 2, pp. 194–200. EDN: [BRHCLD](#).
 16. Starosolsky G.V. Basic Principles of Soviet Criminal Law. *North Carolina Law Review*, 1950, vol. 28, no. 4, pp. 359–374.
 17. Krashennnikov P.V. *Zapovedi sovetskogo prava: Ocherki o gosudarstve i prave voennogo i poslevoennogo vremeni. 1939–1961* [Commandments of Soviet law: Essays on the state and law of war and post-war times. 1939–1961]. Moscow, Statut Publ., 2019. 376 p.
 18. Shakhbazyan S.V. Genesis of the legislative definition of crime and category of crimes in accordance with the Russian criminal law. *Yuridicheskie issledovaniya*, 2020, no. 5, pp. 35–62. DOI: [10.25136/2409-7136.2020.5.28845](#).
 19. Romanov R.E. Soviet state and Siberian workers during the Second World War: forced strategy of social and labor communication. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 303–329. DOI: [10.17150/2308-2588.2018.19\(3\).303-329](#).

The development of Soviet penal prohibitions during the Great Patriotic War

© 2024

Andrey V. Skorobogatov^{*1}, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor of Chair of Theory of State and Law and Public Law Disciplines
*Nikolay N. Rybushkin*², PhD (Law), Associate Professor, professor of Chair of Theory of State and Law and Public Law Disciplines

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan (Russia)

*E-mail: skorobogatov@ieml.ru,
av.skorobogatov@mail.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-724X>

Received 18.04.2024

Accepted 16.09.2024

Abstract: The paper covers the study of criminal law regulation during the Great Patriotic War in the historical and legal context. The purpose of the work is to form scientifically substantiated knowledge about the features of the development of the system of penal prohibitions in Soviet law during the Great Patriotic War. Based on the constructivist paradigm, the authors study the process of transformation of penal prohibitions in wartime, highlighting the role of not only legislative but also executive and judicial bodies in this process. The conducted study allowed concluding that the transformation of criminal law regulation equally affected the general and special parts of this branch of law. However, the changes were caused both by the needs of martial law and by the transformation of criminal law shortly before the war, which was associated with the proclaimed by the Constitution of the USSR of 1936 transition to regulating this branch of law not at the republican, but at the all-Union level. In the legal doctrine and the general part of criminal law, the changes concerned primarily the criminalization of civil and labor relations, the expansion of the limits of criminal law regulation, in particular the emergence of new objects of criminal defense, and the clarification of the list of special subjects of criminal law for whom increased measures of criminal liability were established. With regard to the special part of criminal law, the changes were more specific in nature due to the need to mobilize all material and human resources to defeat the enemy and ensure law and order and public safety.

Keywords: penal prohibition; Soviet penal prohibition; Soviet law; the Great Patriotic War; legal reality; criminal law regulation; construction of prohibitions; criminalization.

For citation: Skorobogatov A.V., Rybushkin N.N. The development of Soviet penal prohibitions during the Great Patriotic War. *Jus strictum*, 2024, no. 3, pp. 20–26. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-3-58-3.